

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

А.Н. Журин.

В статье рассматриваются теоретические основы становления в архитектуре органического направления, тесного взаимодействия архитектурного объекта и его природного окружения. Выявляется опосредственная связь в конце XVIII - первой половине XIX вв. философских воззрений представителей немецкого идеализма и архитектурной теории и практики данного периода в контексте русско-немецкого культурного диалога. Отмечается реализация теории органической архитектуры в практической деятельности ряда зодчих XX в.

Ключевые слова: немецкий идеализм, органическая архитектура, натурфилософия, природное окружение, ландшафтная и парковая архитектура.

Теоретик и практик архитектуры XX в. Бруно Зevi (Bruno Zevi), рассуждая о происхождении органической архитектуры, ведет свое исследование с конца XVII века. Б. Зevi отрицательно относился к закрытости рациональных классицистических схем. Органическую архитектуру он считает вершиной развития длительного эволюционного пути. В качестве формообразующих истоков органической архитектуры, по мнению Б. Зevi, выступали «естественная эволюция вкуса (идеалистическая) и новые эстетические теории [1, с. 67]. Б. Зevi рассматривает историю архитектуры, начиная с периода, характеризовавшегося господством классицизма и рационализма, как процесс восхождения к наиболее совершенной органической архитектуре. В данной статье будут рассмотрены истоки органической архитектуры в контексте немецкой идеалистической философии, которая стремилась к преодолению закрытости рационалистического подхода картезианства и объединению субъективного и объективного, человека и природы.

Отношение к природе у представителей немецкого идеализма является достаточно противоречивым, но все же во многом отличается от отношения к природе эпохи Просвещения тем, что природа не принижается по сравнению с «Я», идеальным. Для такого подхода также характерно стремление преодолеть дуализм Декарта, который противопоставлял сознание и природу как протяженную и мыслящую субстанции. Рационалистическая философия Декарта идеально корреспондировалась с архитектурными теориями и практикой европейского и отечественного классицизма с его тяготением к переустройству окружающего пространства в духе иде-

альной геометрии формы. Строгая геометричность, порядок ордерных форм естественно переходили и на природное окружение архитектурного объекта. Ландшафт был в классицистической эстетике не продолжением архитектурной формы, а зоной её (геометрии) естественного пребывания. Степень и геометрические размеры этого влияния напрямую зависели от экономических возможностей заказчика и художественных целей автора при «геометрическом» переустройстве окружающего мира.

Философия эпохи Просвещения в своем стремлении контролировать природу приводила к отчуждению человека и природного окружения, препятствовала видению красоты в природе. Природа в философии Просвещения рассматривалась с рационалистической точки зрения как естественная среда, подчиненная необходимым законам. Подобный подход отрицал эстетическое восприятие природы, взгляд на природу как на загадку, иррациональное видение природы были чужды представителям философии Просвещения.

Романтическое отношение к природе не является материалистически натуралистическим и непосредственно связано с художественным восприятием. И. Гёте говорил о достоинстве умения «искусство превращать в природу и природу в искусство» [2, с. 412]. Он негативно относился к стремлению французского Просвещения к растворению природы как в искусстве, так и в научном познании. И. Гете противился чересчур рационалистическому взгляду на природу, что видно в его эмоциональном отношении к книге представителя французского Просвещения П. Гольбаха «Система природы»: «она казалась нам

до такой степени мрачной, киммерийской, мертвенной, что неприятно было держать ее в руках, мы содрогались перед ней, как перед призраком» [2, с. 413]. Период конца XVIII – первой трети XIX века с Французской революцией, первыми шагами индустриализации значительно усилил романтические тенденции во всех видах искусств и философской мысли. На смену рациональным и Просвещенческим идеям, связанным в основном с Францией, приходят философские и эстетические взгляды немецкого идеализма и романтизма, быстро завоевывающие своих сторонников в Европе, и в том числе в России. Последнему обстоятельству способствовали теснейшие династические и культурные и научные связи в первой половине XIX в. между Германией, прежде всего Пруссией, и Российской империей. Именно на фоне этого культурного диалога происходили существенные перемены во взаимодействии архитектурного рукотворного объекта и его природного окружения. Этот процесс, наметившийся в недрах классицизма, получившего в западноевропейском искусствоведении название неоклассики, уже в последней трети XVIII в. привёл к появлению идеи английского ландшафтного парка с его «естественной» органичной организацией.

Представители немецкого идеализма стремились доказать, что человек и природа по сути являются едиными, противоречие между природой и сознанием парадоксально рассматривалось ими как объединяющий фактор. Оторванность человека от природы приводит к его ущербности и неполноте. Видение природы только с физической точки зрения обедняет мировоззрение человека, приводит к его одиночеству в мире. Немецкий идеализм, по мнению Фредерика Бейзера (Frederick C. Beiser), можно представить как движение, явившееся реакцией на субъективизм, целью немецкого идеализма было доказательство реальности внешнего мира [3, с. 8].

В немецком идеализме последовательное преодоление противоречий между человеком и природой решалось в большой степени при помощи концепции органичности.

В философии основателя немецкого идеализма И. Канта отношение к природе отличается двойственностью: в «Критике чистого разума Кант утверждает подчиненный характер природы по отношению к априорным формам рассудка. В то же время он видит неадекватность только механистического объяснения природы, необходимость телеологического ее рассмотрения. В «Критике способ-

ности суждения» при объяснении видимой телеологичности природы И. Кант по сути не отступает от идей «Критики чистого разума», выступает против того, что природная целесообразность обосновывается с объективной точки зрения. И. Кант высказывается против реалистической трактовки телеологичности в природе, подчеркивает возможность только субъективного ее существования. В то же время в «Критике способности суждения» признается эстетическая идеальная телеологичность, самообусловленность природы, которая, однако, имеет регулятивный (субъективный), а не конститутивный (объективный) характер [4, с. 6]. Априорному единству рассудочного постижения природы И. Кант противопоставляет рефлектирующую способность суждения, которая отражает эмпирическое многообразие особенного в природе [4, с. 19]. Механистическому взгляду на природу И. Кант противопоставляет органическое ее видение. Рассматривание природы как организма позволяет объяснить ее с телеологической точки зрения, исходя из нее самой, Кант говорит о том, что нужно видеть природу как целеполагающую: «нам совершенно необходимо приписывать природе понятие намерения». [4, с. 240]. Здесь уже видится определенное стремление наделить природу самостоятельными характеристиками, но И. Кант утверждает, что невозможно признать окончательную объективную независимость природы от мысли человека, при этом он окончательно не отрицает такую возможность, ссылаясь на ограниченность человеческого познания. В философии И. Канта наряду с идеей прекрасной природы существует видение грандиозной, возвышенной природы, которая противопоставлена человеческому «Я». В данном понимании природа видится бесконечной, ужасающей и бесформенной, в отличие от прекрасного, которое всегда имеет четкие очертания. Возвышенное имеет рациональную составляющую, которая также может сочетаться с иррационализмом хаоса. И. Кант говорил, что этот аспект природы помогает человеку осознать свою внутреннюю сущность и в то же время дает способность возвыситься над природой и превзойти ее, так как по своей сути возвышенным является не сама природа, а те чувства, которые она вызывает в субъекте. Эти идеи Канта противоречивым образом объединяют рациональную философию и романтическое мироощущение, противопоставляя человека и природу и одновременно объединяя их.

В натурфилософии Ф. Шеллинга природа представляет собой единство объективного и субъективного, рассматривается как единый организм, частью которого является человечество, реализуется единство человека и его природного окружения. Отделение от природы человека Ф. Шеллингу представляется крайне нежелательным по своим последствиям. В качестве примера можно привести следующее высказывание Ф. Шеллинга: «До тех пор пока греческое искусство остается в границах природы, нет народа, который был бы ближе к природе, но нет народа и ужаснее, как только он преступает эти границы» [5 с. 85]. Ф. Шеллинг видел своей задачей преодоление дуалистического разрыва между природой и человечеством, выступал против тенденции чрезмерной субъективизации мировоззрения человека, что сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Ф. Шеллинг утверждал объективную самостоятельность и самоценность природы и одновременно ее неразрывную связь с человеком. Идея органичности является ведущей с точки зрения возможности преодоления разрыва между человеком и природой. Подчеркивание органического характера природы Ф. Шеллингом связано с признанием ее самообусловленности, целостности и одушевленности. Стремление к уничтожению дуализма между природой и Я приводит Шеллинга к натуралистическому пониманию единства, которое он называет субъект-объектом. Отношение к статусу обусловленности или самостоятельности природы относительно Я у Шеллинга не было постоянным. В работе «Система трансцендентального идеализма» он предполагал, что организмом следует считать «лишь род созерцания, присущий интеллигенции» [5, с. 371]. Подчеркивание первичного характера природы по сравнению с Я характерно для периода философии Шеллинга, который называют «Философией тождества», который связан с фактически полным разрывом с философией субъективного идеализма И. Фихте. А.В. Гулыга называет Шеллинга главой направления, «пытавшегося преодолеть субъективизм Фихте, повернуть теоретическую мысль лицом к природе» [5, с. 3]. Подчеркивание вторичного характера природы в философии И. Фихте, примата субъекта над природным бытием, не позволяет говорить о ее реальном и самостоятельном характере, природа фактически исключается из структуры бытия, наделяется только случайными, а не сущностными характеристиками. И. Фихте рассматривал природу как вторичную по отношению к творческой

деятельности человека, как то, что только следует использовать, как полностью подчиненную по отношению к субъекту. Шеллинг отверг такой подход, природу он рассматривает как важную составляющую Абсолюта, стремится объединить философию природы и философию искусства. Рассуждая в «Системе трансцендентального идеализма» об истинности произведения искусства, Шеллинг подчеркивает, что в подлинном произведении искусства объективное преобладает над субъективным и искусство по своей сути является единым. При этом он соотносил объективную конечность мира природы с рациональностью классицизма, в котором также отражается рационалистический объективный идеализм Платона. Платон, разделяя идеи и знание, полученное на основании чувственных ощущений, говорит о мире как о единстве, объединяющей и упорядочивающей силой которого выступает пропорция, точные математические взаимоотношения. Точность пропорциональности и симметрии, стремление к совершенству идеальной формы являются неотъемлемым качеством архитектуры классицизма, важность пропорции подчеркивалась теоретиком классицизма Витрувием, на которого ссылается Шеллинг в своей работе «Философия Искусства». В произведении «Идеи к философии природы» Шеллинг так описывает органическую взаимосвязь природы и идеального: «разум символизирует себя в организме совершенно так же, как абсолютный акт познания – в вечной природе, а организм преобразуется в абсолютную идеальность совершенно так же, как (вечная природа) – в вечное возвращение конечного в бесконечное, в разум» [6, с. 143]. Идея вечной природы прямо переключается с платонизмом, идеи которого оказали большое влияние на формирование Ф. Шеллинга как философа. В диалоге «Тимей», комментарии к которому Шеллинг написал еще во время своего обучения в семинарии в Тюбингене, Платон говорит о вечной природе и рассматривает мир как органическое живое существо, как единое целое, совершенное и неподверженное времени, утверждается, что на космос нужно смотреть как на нечто возвышенное и прекрасное. Платон в этом произведении разделяет божественное и обусловленное, первичное и вторичное, но также говорит о синтезе становления и бытия, об органическом единстве бытия, мира как целого Ф. Шеллинг говорит о «сущности, которую древняя философия, прозревая, приветствовала в качестве общей души природы...» [5, с. 181]. Идея Платона, согласно которой кос-

мос рассматривается как единое гармоничное живое существо, без сомнения, оказала большое влияние на всю философию Ф. Шеллинга, стремившегося преодолеть разрыв между свободой и природной необходимостью, показать возможность их интеграции. Ф. Шеллинг подчеркивал в интерпретации этого диалога объединение противоположностей, выражение абсолютного, необусловленного в природе, что только человеку, исходя из его ограниченных познавательных способностей, представляется невозможной задачей, являясь недоступным для чувственного и рассудочного познания. Решение объединения противоположностей природного и субъективного Ф. Шеллинг видит в практической деятельности, активности субъекта, он говорит о необходимости объединения чувственного и рационального, интуитивного и понятийного познания. Подход Шеллинга с подчеркиванием бессознательного характера природы и самосознания «Я» представляет собой стремление к объединению рационального и иррационального, что коррелируется с существованием наряду с упорядоченностью в природе ее возвышенного аспекта, характеризующегося бесконечностью и бесформенностью.

В эпоху романтизма произошло переосмысление взаимодействия архитектурного объекта и его природного окружения. Стистика архитектуры позднего классицизма и ранней эклектики, где естественность природного окружения органично сливалась с жесткой геометрической концепцией рационализма, получает всё большее распространение. Природа становилась не чужеродным окружением архитектурного объекта, а прямым участником архитектурного процесса, полем для бегства от реальности, её стихийная непредсказуемость порождала сложные психические переживания, а архитектура дополняла и активно участвовала в этом процессе. Безусловно, диалог между природой, архитектурой и эстетикой ранней эклектики наиболее успешно и по-новому происходил в первой половине XIX в. на поле садово-парковой архитектуры – загородных архитектурных сооружениях. Однако, и городские пространства не избежали этой тенденции, что отразилось во включении в архитектурный объём дворцов и особняков пространства зимнего сада, полного экзотических, живописных композиций из экзотических растений. Органичный мир природы активно входит в постройки ведущих мастеров эпохи – К.Ф. Шинкеля, О. фон Кленце в Германии и их последователей в России – А. Штакеншнейде-

ра, А. Брюллова, К. Быковского, Г. Боссе [7, с. 58-68]. Одной из главных парадигм архитектуры того времени можно считать высказывание К. Ф. Шинкеля, согласно которому «Архитектура является продолжением природы в своей конструктивной активности» [8, с.104]. Особенно свободно в достижении своих многополярных композиционных эффектов, основанных на сочетании архитектуры с ландшафтом, природой, авторы чувствовали себя при проектировании загородных резиденций для членов прусской и российской царской семьи и её ближайшего окружения - в Потсдаме в Пруссии и в Новом Петергофе в России в 20-е - 50-е гг. XIX в.

Органическое единение с природой достигалось в зарубежной и отечественной архитектуре путём размывания четких границ между самим сооружением и его ландшафтным окружением. Живописность и открытость геометрических границ плана сооружения, достигались путём устройства открытых и закрытых террас, галерей-пергола, оранжерей, открытых лоджий, балконов, переходов, мощенных открытых площадок с лестницами на перепадах рельефа. Такие архитектурные особенности сочетались со структурированным планом здания, где внутреннее пространство легко перетекает во внешнее с включением закрытого ландшафтного пространства в объемно-пространственное решение самого сооружения по типу атриумно-перестильного типа дома римской античности.

Новаторское сочетание архитектурного произведения с его внешним ландшафтным окружением отмечается в работах архитектора К.Ф. Шинкеля, выполненных по созданию резиденции кронпринца Пруссии Фридриха-Вильгельма, родного брата августейшей супруги Императора Николая I - императрицы Александры Федоровны.

Симптоматично, что резиденция Шарлоттенхоф была известна в аристократических кругах как «Сиам» - романтическая мечта о свободной земле. Крон-принц и его сестра Шарлотта, будущая российская императрица зачитывались в юности сентиментальным сочинением французского философа и писателя предромантизма Бенардена де Сен-Пьера «Поль и Вирджиния» о влюбленных молодых людях, выросших среди девственной природы острова Маврикия в Тихом океане [9]. Само архитектурное и культурное пространство в Шарлоттенхофе дышало ощущением «дружбы, братства и свободы» [8, с. 105] и являлось материализацией представления о рае, где кронпринц хотел соеди-

нить с архитектурой резиденции теории Бернарден де Сен-Пьера, который практически отстаивал идеи гармонии личности и природы и являлся практикующим королевским садовником Людовика XIV. Жить в контакте с природой, быть свободными от коррупции окружающего мира - вот идеал жизнеустройства, который реализовывался в королевских и царских резиденциях.

Идея свободы чудесным образом переплелась с окружающим представлением о порядке и жесткой регламентации, характерной для внешней и внутренней политики прусского и российского самодержавия. Подобный эскапизм, стремление к бегству от окружающей реальности в воссозданном свободном и живописном природном пространстве позволяют по-новому взглянуть на мировоззрение родственных царственных и королевских домов Пруссии и России. Процесс взаимодействия на равных природного окружения и архитектурного объекта, получивший своё эстетическое осмысление в начале XIX в, приобрёл дальнейшее развитие на протяжении всего XIX–XX вв.

Разнообразие стилистических и исторических предпочтений эпохи эклектики и модерна сохранило эстетическую парадигму неразрывной взаимосвязи естественной природы и архитектуры. Идеи английского утописта Эбенизера Говарда (Ebenezer Howard), выдвинувшего концепцию «Города-сада» и получившие практическое развитие в Германии и России, напрямую связаны с органическими идеями первой трети XIX в., объединяющими человека и природу.

Концепция зарубежного и отечественного авангарда, основанная на рационализме и геометрическом восприятии пространства, как внутреннего, так и внешнего, отвергала равноправный диалог между архитектурным объектом и его окружением. Проекты советских авангардистов 20-30-х гг. XX в., как правило, лишены антуража, их сооружения находятся как бы в пустоте. Природа в данном типе мировоззрения - это скорее своеобразный донор для достижения определённых материальных благ.

Высказывание садовода-экспериментатора Мичурина – «мы не можем ждать милостей от природы – взять их у нее - наша задача» [10, с. 25] - являлось лейтмотивом эпохи авангарда.

Уход от рационального, «геометрического» восприятия мира привёл в XX в. к созданию направления «органической» архитектуры. Идеология её основателей - А. Гауди, Л. Салливана, Ф.Л. Райта, Б. Гоффа актуальна в наши дни постиндустриального общества как никогда. В связи с этим философия уже давних её основателей представляет не только исторический интерес, но отдельные её положения остаются актуальными и в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Panayotis Tournikiotis. The Historiography of Modern Architecture. Massachusetts Institute of Technology, 1999.
2. Гете И.В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Под общей редакцией А. Аникста и Н. Вильмонта. М., Худож. лит. 1976.
3. F.C. Beiser German Idealism. The struggle against subjectivism, 1781 -1801. Harvard University Press, 2002.
4. Кант И. Сочинения в 8-ми томах. Т.5. М.: Чоро, 1994.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1. – М.: Мысль, 1987.
6. Ф. В. Й. Шеллинг. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. – Спб.: «Наука», 1998.
7. Е.А. Борисова. Русская архитектура второй половины XIX века, М.: «Наука», 1979.
8. D. Watkin, T. Mellinghoff. German architecture and the classical ideal 1740-1840. London. Thames and Hudson 1987.
9. Бернанден де-Сен-Пьер. Польша и Виргиния. Индийская хижина. Москва-Ленинград, ACADEMIA, 1937.
10. И.В. Мичурин. «Итоги шестидесятилетних работ», Изд. М.: ОГИЗ, 1934.

Журин А.Н. - старший преподаватель,
Новосибирская архитектурно-художественная академия, E-mail
zhurin.andrew@yandex.ru.